

наслаждение моментом. И ещё насмешка. — Маркер вечный. В ужасе Катя закусила губу. Взгляд её невольно метнулся к часам — было уже почти начало пятого, а родители её обычно возвращались с работы в шесть. Шантажист, конечно, давно уже успел выучить наизусть трудовой график её родителей и наиболее безопасное время для игр со своей безотказной пленницей. — Не бойся, — поспешил успокоить её голос, — я шучу. Мне вовсе не хочется выставлять тебя в таком виде на всеобщее поругание. Подумай сама, с кем же мне тогда развлекаться? Фэйли чуть-чуть расслабилась. Чуть-чуть. — Надписи эти легко смыть особым химическим раствором. Название его, правда, я тебе скажу позже. Коробочка, которую ты получила по почте, при тебе? — внезапно сменил тему собеседник. Катя потеряно кивнула. Она, признаться, успела уже и забыть о том плоском продолговатом ящичке. — Будь ласкова, открои её. «Будь ласкова» или «будь ласков» — стандартная формула украинской вежливости, соответствующая русскому «пожалуйста». Катя, однако, даже не обратила внимания на это немного по-хамски звучащее для русского уха пожелание. Она распахнула коробочку и заворожённым взглядом уставилась на блестящий внутри никель двух серебристых колец. Наручники. — Тебе они нравятся? — вкрадчиво поинтересовался Шантажист. — Это вещица из игрового реквизита профессиональных фокусников. Выглядят прочными и нерушимыми, а между тем легко открываются без ключа самой скованной ими жертвой, если знать секрет. Секрет?.. Фэйли пристально всмотрелась в сверкающие никелем дуги. Вроде бы нигде не было видно ни подозрительных дырочек, ни таинственной резьбы. Она чуть-чуть повертела наручниками, пытаясь проверить, не вращается ли какая-нибудь деталь. Ничего. Хотя секрет, конечно же, мог быть. Катя Щегловой вспомнилось, как она в своё время тщетно гадала о способе открытия пузырька с таблетками — который, как выяснилось, открывался способом, не могущим прийти в голову ни одному нормальному человеку. — Примерь их, Кать, — мягко произнёс голос. Словно не требуя, даже не прося, а неназойливо советуя. — Заведи руки за спину. Просунь их в эти серебристые обручи — они же понравились тебе с первого взгляда, правда? Фэйли пытливо взглянула в объектив веб-камеры. — Зачем? — тихо спросила она. Тихо, потому что её сковал в этот раз страх особенной силы. На этот раз опасность, грозящая ей, казалась ещё более нешуточной, более осязаемой, чем во всех предыдущих случаях, — и, хотя на каждом следующем шаге Шантажист умудрялся создать точно такое же впечатление, в животе у Фэйли возник тугой леденящий узел. Голос с минуту помолчал. Заговорив же, звучал почти так же тихо — и в нём, как показалось Фэйли, проявились даже нотки откровенности. — Мне бы хотелось увидеть девчонку нагой. Исписанной непристойными надписями. Закованной в наручники. Беспомощной и неспособной получить от кого-либо помощь. — Голос ещё некоторое время помолчал. — Испытать ощущение власти, зная, что лишь я один могу освободить её. В динамиках на миг послышалось шумное дыхание. — Когда ты их наденешь, я скажу тебе, как их снять. Если ты сама будешь этого хотеть. Голос ещё немного помолчал. — Даю слово. Катя помедлила. В голове её шёл отчаянный поиск отговорок и способов увильнуть. — А если разорвётся коннект? — нервно спросила она. — Поломается что-нибудь у провайдера и... — Тогда я скину тебе SMS-кой описание секретного способа снятия наручников, — нетерпеливо проговорил собеседник. — Твой номер телефона мне известен. Катя всё ещё медлила. — Ну же. Голос собеседника вновь стал мягче мягкого. Парадоксальным образом выразив этим возросший градус угрозы. — Смелее. А если не хочешь — не буду заставлять или угрожать. Просто промолчу по поводу средства для снятия нанесённых маркером надписей, оно, кстати,

не продаётся в обычновенных технических магазинах. Подумай, как удивлены будут родители, увидев свою девочку в таких надписях — правда, на лице и ладонях у тебя рисунки довольно невинные, но, увидев их, они обязательно захотят осмотреть твоё тело целиком. На лице и кистях рук Фэйли были нарисованы черви и буби, символы карточных мастей. Причём рисунки эти цепочкой уходили от кистей рук почти к самым локтям — и от лица к основанию шеи. Намекающе. — Время идёт, — многозначительно подчеркнул голос. Кинув взгляд на часы и поняв, что выбора у неё на самом деле — как и всегда — нет, Фэйли потянулась за наручниками. — Не так, — одёрнул её собеседник. — За спиной. Запыхавшись, встала спиной к веб-камере и, неловко полуобернувшись назад, принялась возиться с металлическими застёгивающимися обручами. В голове у неё молнией в очередной по счёту раз промелькнула мысль, что она уже почти не ощущает стыда, стоя голая перед незнакомым интернетчиком-извращенцем, — если же что и чувствует в данную секунду, то скорее в связи с дополнительными действиями, каковые тот приказывает выполнять. Сильно же она пала за последний месяц? Ощущив от этой мысли вспышку непрошеного и совершенно непроизвольного возбуждения, Катя сдвинула бёдра. Разозлившись на себя за это, сосредоточилась на серебристых дужках наручников и одновременно сомкнула их. С щелчком. — Поймана, — торжественно констатировал голос. В интонациях его прозвучало нечто, что совсем не понравилось Фэйли. Катя рефлекторно дёрнула руками — пытаясь не то высвободить их, не то хотя бы вернуть их к привычному положению у пояса — не вышло. Наручники крепко сковывали кисти её рук сзади. Надёжно. Только сейчас Фэйли по-настоящему поняла, насколько она беспомощна и насколько фатальна та ситуация, в которой она не без собственной воли оказалась. Стоя в собственной комнате абсолютно голая, едва ли способная даже одеться со скованными за спиной руками, исписанная с головы до ног непристойными надписями вроде «Я шлюха», «Возьмите меня сзади», «Лизать — здесь», «Кончать — сюда», «Порви мою целочку», «Мой ротик любит сосать сладкие сахарные петушки», «Тут — место для шоколадных батончиков», «Изнасилуй меня Snickers ом!» — и другими, гораздо более заковыристого и отчасти даже матерного рода, которые её собеседник, строя из себя интеллигента, не надиктовывал вслух, а просто дал Фэйли списать с отдельного текстового файла, — внешне она представляла собой просто пиршество взгляда для любого начинающего извращенца. Сделать же она теперь ничего не могла. Совсем. Волны липкого ужаса прошли по её телу. — Знаешь, Фэйли, — размеренно проговорил голос, — ты просто удивительное создание. Знаешь, какая черта в тебе заслуживает наибольшего удивления и, пожалуй что, даже восхищения? Катя Щеглова, естественно, предпочла смолчать. Тяжело дыша, переминаясь с ноги на ногу и почти пошатываясь. — Твоё доверие. — Голос сделал паузу. — Вот так вот, на слово, поверить совершенно незнакомому тебе человеку, что у наручников есть секрет, которого абсолютно не видно с первого взгляда. Раздеться догола, привести себя в целиком нелицепристойный вид — и это часа за полтора до прихода родителей! — да ещё и сковать себя, обеспечив родственникам зрелище, которое не забывается. Ты уверена, что ведёшь себя как подобает хорошей девочке? Голос был мягок. Голос выражал вежливую грусть и заботу. Голос попросту издевался над Фэйли. С каждым новым произносимым им словом ещё одна волна липкого ужаса прокатывалась кольцом по всему её телу. К концу его неспешного медоточивого диалога в глазах у Кати выступили слёзы. Словно у маленькой девочки — каковой она, впрочем, до некоторой степени и являлась. Послышалось прищекивание языком. — Нет, — вздохнул голос, — какая ты всё-таки

красивая девчонка. Особенно сейчас, с перепуганным, раскрасневшимся лицом, горящим от стыда и возбуждения. Даже жаль, что сейчас придётся тебя оставить. Что ж, желаю удачи — она тебе пригодится. На том конце линии послышались звуки сдвигаемой мебели, обычно предшествовавшие разъединению канала. Катю будто ошпарило поземкой из сухого льда. — Нет!!.. — Начисто забыв свой некогда данный себе гордый зарок ни за что не унижаться перед Шантажистом и выполнять его непристойные требования с по возможности достойным видом, она упала на колени перед ещё работающей веб-камерой. — Пожалуйста!! Не надо... В глазах её стоял туман. На другом конце линии некоторое время царило молчание. Однако веб-камера, судя по огоньку над ней, не отключалась. — Что ж, — судя по голосу, собеседник вздохнул. И как будто о чём-то призадумался. — Ты действительно так сильно хочешь узнать секрет этих наручников? Фэйли вскинула голову. Убитая было надежда стала оживать. Секрет всё-таки существует? — Да. — Ты готова на всё, чтобы узнать его? — Голос на этот раз звучал так, словно экзаменовал её. Катя яростно кивнула. — Если не ошибаюсь, — неспешно проговорил собеседник, явно наслаждаясь звучанием каждого своего слова, — ваша квартира содержит в себе раритет экзотического рода, попавшийся мне на глаза на одной из сделанных тобою по моей просьбе фотографий. Вертикальную вешалку в виде столбика высотою чуть ниже человеческого роста, сверху украшенного обручем с выступами для одежды и шляп. Вешалка эта по-прежнему у нас есть? Пряча глаза, Фэйли снова кивнула. Не смея кинуть взгляд на часы, вообще не решаясь отвести сейчас глаза от веб-камеры — но, кажется, физически ощущая неумолимый бег времени. — Будь ласкова, принеси её сюда. Катя развернулась к двери. Осознав, что открыть её со скованными за спиной руками так просто едва ли удастся, повернулась было к двери спиной — думая присесть и таким образом дотянуться руками до дверной ручки — но сообразила, сколь двусмысленно и маняще будет выглядеть в этом случае её поза. Избрав иной вариант, Катя вновь развернулась к двери лицом и полуприсела, надавив на дверную ручку подбородком — и вспыхнула, запоздало осознав, что попка её сейчас выглядит бесстыдно оттопыренной почти в самый объектив камеры, что, в сочетании со скованными наручниками руками, должно производить самое распутное впечатление: примерно как откровенное предложение рабыней себя. Поделать с этим, однако, было уже ничего нельзя. Кроме того, стоит ли ей теперь стесняться подобных мелочей — теперь, после всех этих постыдных извращённых Заданий и находясь ныне во столь безвыходном положении? Сказав себе так, Фэйли выскользнула в коридор. Протащить по нему проклятую вешалку, пусть даже сбросив с оной предварительно всю болтавшуюся на ней одежду вместе с головными уборами, было занятием не из лёгких. Кате пришлось-таки сильно вытянуться вперёд, стоя при этом лицом к рассматривающей её из комнаты веб-камере и стискивая позади кистями рук водружённый на спину наподобие черепашьего панциря деревянный столбик. Шумно дыша от напряжения, Фэйли развернулась в очередной раз и установила вешалку посреди комнаты перед веб-камерой. Подойдя к дверному проёму, зачем-то захлопнула ногой дверь. Хотя если родители вдруг вернутся с работы раньше обычного — несколько секунд промедления её не спасут. — Ну? — Испуг сдавил сердце девчонки; собеседник не издавал ни звука со своего конца линии. Что, если он куда-то ушёл? — Что теперь делать?.. Голос Фэйли невольно спал. — Мм. — Кажется, собеседник был открыто доволен ситуацией. Включая и испуг Кати. — Поставь-ка вешалку поближе к окну. Камеру тоже расположи так, чтобы этот край комнаты легко поддавался обзору. Обмирая, послушно передвинула вешалку. Слова «поближе к окну» вызывали у неё только одну, но

весьма неприятную ассоциацию. Шторы, несмотря на ясный день, были сейчас плотно задёрнуты — что и неудивительно, учитывая характер происходившего за ними. Освещение же, позволяющее собеседнику достаточно хорошо рассмотреть её через веб-камеру, обеспечивалось люстрой. — Отодвинь штору. Катя кинула испуганный взгляд в объектив камеры. — Ты не расслышала? — недоумённо уточнил голос. — Я сказал: «Отодвинь штору». Раскрой шторы целиком. Полубернувшись, она вытянула было скованные наручниками руки к лиловым узорчатым занавескам. Вытянула и тут же отдернула. Однажды она уже выставила себя на всеобщее обозрение подобным образом. Тогда, однако, Катя Щеглова находилась едва ли не на пике возбуждения и тогда стояло более позднее время суток — что, предположительно, означало меньшее количество наблюдателей. Кроме того, длилось это лишь несколько секунд. Но был ли у неё выбор?.. — Кажется, ты говорила, что готова на всё, — произнёс голос. Будто бы не уговаривая её и не угрожая ей. Даже не упрекая.

Нерешительно потянув за край лиловых гардин, Катя раздвинула занавески. Глазам её представали частично освещённые окна дома напротив и весенняя улица; внизу несколько парней возле зелёного автомобиля на явно повышенных тонах обсуждали что-то между собой. К щекам прилила кровь. Запоздало мелькнула молнией мысль, что можно было бы по крайней мере выключить свет. Впрочем, Шантажист наверняка не позволил бы ей этого. — Тебе нравится эта вешалка? — неожиданный вопрос собеседника вырвал Фэйли из невесёлых раздумий. Она смогла лишь недоумённо кивнуть. — Ты любишь её?.. — уточнил голос. Катя растерянно промолчала. — Мне бы хотелось увидеть, насколько сильно ты её любишь. Обними её. Поцелуй. Прилаской как следует. Представь, что это — твоя ненаглядная сестра или, того лучше, ненаглядно любимый тобою парень. Фэйли неловко сделала пару шагов к вешалке. — Нет, не так, — разгадал её нехитрый манёвр собеседник ещё раньше, чем мысль о нём успела окончательно выкипеть из ума Фэйли. — Хотя попка твоя тоже совсем неплоха, но лучше б тебе встать ко мне в анфас, а к окну в профиль. Мы ведь не хотим лишать возможных заоконных наблюдателей зрелища во всей его полноте? Катя на плохо гнувшихся ногах обошла вешалку кругом. Неуклюже наклонившись, коснулась верхнего обруча губами. — Не жалей ласки, — мягко-мягко и тихо-тихо, словно доносясь издалека, посоветовал голос. — Чуть-чуть потрись об неё грудью, будто выражив этим всю глубину чувств от встречи после длительной невольной разлуки. Прижмись к ней нежно всем телом. Улыбнись — ведь ты вновь обрела подругу. Фэйли так и сделала, ощущая, как краска немилосердно заливает её щёки. Превосходно осознавая, как она выглядит сейчас — совершенно обнажённая, изукрашенная похабными надписями, скованная сзади наручниками и похотливо трущаяся об вешалку для одежды. Причём, что хуже всего, делающая это прямо перед пылающим зрачком веб-камеры — и перед глазами неизвестного количества наблюдателей с улицы и из дома напротив. Помимо воли Катя тяжело задышала. Пытаясь, как то было заповедано собеседником, чуть-чуть потеряться грудью о вешалку, чуть было не упала — удержать равновесие при скованных за спину руках было задачей не из лёгких — и ей пришлось что было сил охватить столб коленями. Мысль о том, что за этим её движением также могут следить десятки разгорячённых взглядов, — и о том, как они могут его воспринять, — отчего-то на миг обожгла её изнутри сладким огнём и заставила её дыхание отяжелеть ещё больше. — Не останавливайся, Кать, — мягко-мягко прошелестел голос. — Дай волю своей фантазии. Своим чувствам. Ощущая себя невыразимо, просто омерзительно, малолетней шалавой, шлюхой, дрянью, если не сказать похлеще, Катя слегка разогнулась, позволив

кольцу из того обнимающих вешалку бёдер чуть-чуть скользнуть вверх по немного шершавому дереву. Приоткрав губы, провела кончиком языка по блестящей полировке обруча — и мозг её пронзило молнией понимание, что теперь она сама, действительно сама, по доброй воле проявляет фантазию. Мысль эта обожгла её вспышкой стыда и возбуждения. Прикрыв глаза, Фэйли обхватила крепче бёдрами ось деревянного столбика, чуть выгнулась вперёд, позволив вишнёвому дереву слегка пощекотать её обнажённую кожу в районе груди. Теперь — после закрытия ею глаз — из всего мира для неё существовало только чуть шероховатое дерево, касающееся её разгорячённого тела, и ёщё, пожалуй, периодически утыкающаяся в губы полировка обруча. Сжав ёщё сильнее бёдра, Катя Щеглова застонала, сдвигаясь то вверх, то вниз по столбiku вешалки. Позволяя слегка шероховатому дереву ласкать чувствительный треугольничек плоти, терясь об его влажные складки. Съехав вниз чуть сильнее обычного, она — не открывая глаз — запечатлела жаркий поцелуй на верхней части столбика вешалки. Осознавая, что делает это специально — чтобы ощутить себя шлюхой и через стыд получить ёщё больше сводящего с ума возбуждения, — и ощущая в результате этого осознания ёщё больше стыда вместе с возбуждением, Катя застонала вновь. Через всё её тело проходили одна за другой сладкие волны, заставляя её содрогаться в непроизвольном спазме, теряя с каждым мгновением последние останки контроля над собой. Чувствуя, как столбик меж её бёдер становится влажным, как она соскальзывает с него, будучи не в силах обхватить вешалку скованными за спиной руками, — опереться же об неё всем своим весом она не могла, ибо сие угрожало обрушить не столь уж и массивный предмет, — Фэйли резко выгнула шею и впилась зубами в край верхнего обруча, укрепив таким образом своё соединение с вешалкой, слившись, почти сросвшись с нею в неразделимое целое. Сквозь яростно вцепившиеся в вишнёвое дерево зубы послышался ёщё один, более громкий стон. Катю, уже почти не осознающую сейчас даже кто она и где она пребывает, били конвульсии. Полировка деревянного обруча скрипела на её зубах, из уголка её рта стекала вниз ниточка тёмной от лака слюны. — Фэйли? ...Едва ли не теряя сознание от переполняющих её ощущений, почти перестав воспринимать действительность и не слыша даже своего собственного глухого стона, Катя Щеглова бессильно сползла вниз по блестящему от её выделений столбiku... — Катя?.. Голос казался доносящимся откуда-то из невыразимой дали. Моргнув, Катя приоткрыла глаза. Взгляд её некоторое время бессмысленно блуждал по комнате, прежде чем сумел с трудом сфокусироваться на объективе. Первоначально она не вполне осознала, кто это с ней разговаривает — в затуманенном мозгу мелькнула даже на миг мысль, что это могут быть возвратившиеся с работы родители. Причём, как ни удивительно, мысль эта — мысль, что несвоевременно вернувшиеся родители вполне могли стать свидетелями того, как она, совершенно нагая, вся от головы до ног в надписях непристойного значения, сливалась в порыве животной страсти в единое целое с деревянной вешалкой прямо перед окном с распахнутыми настежь шторами, — почему-то не вызвала у Фэйли особенной вспышки ужаса. То ли тут сказалось эмоциональное истощение после захлестнувшего её недавно вала неимоверных физиологических чувств, то ли вставила своё слово копившаяся последние недели усталость, — но где-то на краю её сознания даже промелькнуло вяло-безразличное: «Пусть бы уж лучше вот так. Увидели бы, какова на деле их дочь. Зато всё окончилось бы». Рождённая самобичеванием, идея сия промелькнула в её сознании лишь на миг — и тут же испарилась. Взгляд Фэйли молнией метнулся к часам — коснулся стрелки и застыл — кровью искупать свои проступки и свою вину ей всё же

категорически не хотелось. Руки Фэйли за её спиной непроизвольно дёрнулись. Скованные. ...Она вновь перевела взгляд на веб-камеру — даже не думая о всё ещё раскрытых настежь шторах, не думая о том, что жильцы верхних этажей дома напротив вполне могут благодаря ракурсу видеть через окно полулежащую на полу голую изрисованную девчонку с бесстыдно раскинутыми вокруг вешалки ногами. Её волновало иное... — Наручники. — Сразу произнести это слово не получилось — по всей вероятности, за последние минуты у неё пересохло во рту. Сглотнув слюну, Катя повторила: — Наручники. Как их снять?.. Голос ответил не сразу. По интонациям складывалось впечатление, что он был погружен в свои собственные раздумья, хотя и обращался только что к ней. — Ты меня откровенно удивила, девочка, — признался он. Естественно, не ответив ни словом на сильнее всего волновавший её сейчас вопрос. — Такого я не ожидал от тебя. Что ты будешь готова на всё ради достижения таинственного секрета своих цепей — это само собой, но подобной инициативы и пылкости ожидать от тебя было никак нельзя. Фэйли ощутила лёгкий озноб. Опять эти намёки на то, что секрет может быть мифическим и что спасения нет. — Наручники, — тихо и без особой надежды вновь выдавила она. — Тебе-то самой хоть понравилось?.. — в голосе собеседника вдруг прорезалась нежная теплота. — Скажи. Она закусила губу. Придётся как-то ответить, иначе вряд ли ей удастся перевести разговор на единственно интересующую её тему. — Да. Фэйли попыталась произнести это быстро и безэмоционально, всем видом своим демонстрируя, что отвечает так лишь по принуждению, но тут же поняла, что ей так и не удалось проконтролировать интонацию, — и вспыхнула с головы до ног, осознав это. — Ты хорошая девочка, Фэйли, — мягко произнёс голос. Тут же, как будто устыдившись банальной извращённости своих слов, поспешно добавил: — Правда. Обращаясь к ней, словно к ребёнку. Нет, не словно к ребёнку. Словно к домашнему животному. С новой вспышкой стыда Фэйли поняла, что по сути таковым сейчас для него и является. В чём разница? — Прикрой глаза, Катя, — мягко попросил голос. Именно попросил — причём понизив интонацию почти до шёпота. — Прикрой и пофантазируй... о чём-нибудь эротическом. Мне хочется увидеть это сейчас на твоём лице... увидеть, как заостряются твои маленькие, но такие прекрасные сосочки. Чувствуя себя обессиленной, Катя послушно прикрыла глаза. Что толку ломать комедию, плакать и умолять, выпрашивая могущий не существовать в природе секрет. Если голос на том конце линии захочет освободить её — он это сделает, пусть даже в самый последний момент. Если же нет — разве мольбы помогут? Фантазия её блуждала в поисках образа, способного распалить. Что ей помогло так сильно завестись тогда, при выполнении очередного Задания? Мысль о том, что Костя Свиренков может наблюдать за ней, видеть её за процессом публичного самоудовлетворения. Катя представила себе, как Свиренков сейчас смотрит на неё, почти нависнув над ней. Непроизвольно ей представилось, как Костя наклоняется и, приоткрыв губы, проводит языком по соскам. Дыхание её замедлилось. — Хорошо... — прошептал, почти прошелестел между тем голос. Щёки Катя заалели от осознания очередного унижения; причём, что хуже всего, какая-то часть её сознания или подсознания парадоксально наслаждалась происходящим — смутно ощущая это, Фэйли ещё сильнее ненавидела себя. — О чём ты сейчас фантазируешь?.. Дыхание её прервалось на миг. Говорить правду ей категорически не хотелось — но, как назло, не выдумывалось ничего. — Как... моих сосков... кто-то касается, — с усилием выдавила полуправду она. — Языком... — Тебе бы этого хотелось?.. — вкрадся вновь в её мысли голос. Фэйли помедлила несколько мгновений. Если говорить о ком-то совершенно абстрактном — то, естественно, нет; если о

Косте Свиренкове — возможно, что и да. Кроме того, заранее ведь ясно, какой из ответов будет приятней всего собеседнику? — Да, — не открывая глаз, выдохнула она. — Тебе, — шёпот чуть помедлил, — нравилось тогда ощущать, будто на тебя смотрят? Нравилось... чувствовать, как на тебе сходятся со всех сторон сотни озабоченных мужских взглядов?.. — Да. Изрекая это, примерная ученица Катя Щеглова горела от стыда. Ибо ей, как она ни старалась, не удавалось убедить себя в том, что она отвечает так лишь из желания умаслить собеседника. — Хорошая девочка, — вновь шепнул голос. Краски, чтобы залить ещё сильнее щёки Фэйли, кажется, в организме уже не осталось. — Я просто шлюха, — внезапно для себя самой произнесла она. Сама дивясь своему припадку откровенности. — Мм. — Голос, также по всей видимости поражённый, помолчал. — Как будто эти определения обязательно противоречат друг другу. Фэйли открыла глаза. Посмотрела в веб-камеру беспомощным и одновременно жалобным взглядом. Что ещё придумает её мучитель?.. — У тебя дома случайно нет сигарет Davidof Lights? — поинтересовался неожиданно голос. — Мне вдруг захотелось увидеть, как ты куришь, касаясь сигареты губами. — Не, — Катя с лёгкой растерянностью поёрзала плечиками. — Мы их не покупаем. — Нет в магазинах?.. Голос сочувственно смолк. — Вроде бы есть, их как-то рекламировали, но... — Катя вновь прикрыла глаза. Лёгкая беспредметная болтовня будто бы усыпляла её, успокаивала и расслабляла, заставляя забыть даже об угрозе неснятых наручников и непристойного вида. — Дорогие. Чрезмерно. — Ты не сходишь за ними? Она не сразу открыла глаза. Только когда осознала полностью смысл заданного ей вопроса. — Деньги ты найдёшь в той же коробочке, где лежали браслеты, только под мягким поролоном дна. — Звучание голоса из динамиков было столь же ровным, сколь и горение огонька над веб-камерой. — Так что не беспокойся о цене сигарет. — Я... Кажется, Катя потеряла дар речи. — Вроде бы за время нашего разговора успело чуть стемнеть, — с мягкой неумолимостью произнёс голос. — Так что едва ли ты сумеешь хотя бы кого-нибудь столь уж шокировать своим видом. Кроме того, до прихода твоих родителей осталось уже меньше часа — или ты хочешь именно так их и встретить? Обещаю, что как только ты вернёшься домой с заказанными сигаретами, я сразу же объясню тебе, как избавиться от браслетов и от росписей на теле. — Я не... Фэйли замолчала, совершенно не представляя, что сказать. Грудь её то поднималась, то опускалась. — Ты не хочешь? — по-своему, в целом верно, понял её голос. — Что ж, я тогда переключу внимание на YouPorn и скачаю какой-нибудь непристойный видеоролик. Надеюсь, что ты тем временем не будешь отключать связь со своей стороны — мне бы очень хотелось услышать, как ты будешь объяснять родителям про извращенцев, которые раздели тебя, исписали надписями и сковали, при этом, однако, не изнасиловав и не нанеся ни малейших увечий... — Голос зевнул. — Жаль, правда, что их иллюзии придётся потом разрушить. Собеседник помолчал немного. — Но лучше сходи. Правда, Катя. Ещё чуть помолчав, он добавил бессмертное: — Тебе понравится.